

Йохен Клеппер. Поэт перед лицом сокрытого Бога¹

1.

В своем романе «Отец» Йохен Клеппер описывает изображение так называемого «Престола благодати» в одной из старинных церквей:

Неизменно святой и вечный Бог, увенчанный короной жизни и праведности, восседал на троне, который был подобен радуге и уходил своим подножием в глубины земли. Серебрянная накидка стекала с плечей Божиих словно вода жизни. Волосы Божьи были как снег, а глаза сверкали пламенем. Его сияющему лицу чужды были тени и перемены. Он неизменно свят.

В руках Божиих лежал Сын Его. Слово изломанное, свешивалось мертвое тело. Десницу Свою подложил Бог под голову Сына Человеческого в терновом венце, а левой рукой поддерживал Он пробитые гвоздями стопы Своего едиnorodного Сына. Тот же был истерзан и наг, лишь в набедренной повязке, ткань которой была окроплена кровью.

Но словно лентой, обвивающей эту повязку и бедра, начертал Бог имя Его: «Царь царей и Господь господствующих»².

В этом описании заключена, наверное, вся вера Йохена Клеппера, все его богословие и, главное, вся его жизнь: бесконечно святой, непостижимый, недоступный в Своем величии и всемогуществе Бог-Отец. Да, Бог бесконечно милостивый и прощающий. Но Его милость и прощение как раз потому способны потрясти нас, что открываются они в страшном, жестоком, мрачном событии распятия и смерти Его Сына.

Но не только это. Стоит добавить, что это изображение дается в книге глазами прусского короля, который стоит перед необходимостью судить и, возможно, казнить своего сына и наследника, преступившего закон... События священной истории – они не просто рассказы, запечатленные в Библии, нет, они неожиданным и удивительным образом снова и снова отображаются в жизни людей, наполняют ее события новым, бесконечно глубоким, порой ужасающим смыслом, ведут ее ко все новым, потрясающим все основания встречам с Богом, с Его судом и с Его милостью. Это довелось испытать на своем опыте и самому Йохену Клепперу.

¹ Данный материал представляет собой сокращенный и слегка переработанный для печати вариант моей пробной лекции в Семинарии 19 мая 2005 г.

² Jochen Klepper, Der Vater. Roman des Soldatenkönigs, Stuttgart 1986, с. 575.

Наверное нет в Германии ни одной церкви: лютеранской, реформатской или униатской, в которой за время адвента ни разу не прозвучала бы песня «Ночь тихо отступает», написанная Клеппером в 1938 году. Сейчас это песнопение доступно и в русском переводе И. Барсеговой, оно даже вошло в наш новый песенник. Вот некоторые строки из него, которые помогут нам понять то, о чем говорил в своем творчестве Йохен Клеппер:

*Ночь тихо отступает,
И близится рассвет.
И небо озаряет
Звезды прозрачный свет.
И тот кто ночью плакал,
Воздай звезде хвалу.
Пусть свет ее прольется
На страх твой и беду.*

*Бог, Он во тьме и тайне,
Но в них ты свет найдешь!
Нам суд Его наградой,
Он хочет нам помочь.
Создатель в мир приходит,
Чтоб грешных обрести,
Того кто в Сына верит,
Судом Своим спасти³.*

В этих словах звучат не просто известные христианские истины, в них слышим мы отголосок тяжелых переживаний, выпавших на долю поэта и предчувствие страшных испытаний, лежащих впереди ...

³ Сборник песнопений Евангелическо-Лютеранской Церкви, СПб, 2005, № 60 (текст приводится с небольшими изменениями). Немецкий оригинал см. EG № 16 (*Die Nacht ist vorgedrungen*). Помимо этого песнопения в пробном издании нашего сборника находится перевод еще одного хорала Клеппера, а именно: *Der du die Zeit in Händen hast* (EG 64) – *Все времена в руке Твоей* (№ 114, перевод Л. Грасмих). Еще один заслуживающий внимания текст – песнопение № 270 *Сейчас, когда взошла заря*. Автором текста назван Клеппер и это так для немецкого текста. Что касается русского текста, то, скорее всего, это перевод не стихотворения Клеппера, а непосредственно латинского хорала *Iam lucis orto sidere*, на основе которого Клеппер написал свое песнопение *Schon bricht des Tages Glanz hervor* (EG 453).

Но как бы докладчик не изощрялся, в любой лекции настает момент, когда нужно начать все рассказывать по порядку.

2.

«Ну что, неплохо сделал я свое дело», - проходя мимо дамбы, крикнул рабочим лютеранский пастор маленького силезского городка Бейтен-на-Одере. Затем он поставил им бутылку шнапса и заявил, что он не может сегодня проповедовать, потому что у него рот не закрывается от ухмылки. Это было в воскресенье Laetare, 22 марта 1903 года. В этот день у пастора Георга Клеппера родился третий ребенок и первый сын в семье, которого назвали Иоахимом или попросту Йохеном⁴.

В дальнейшем однако отношения Йохена с отцом сложились крайне сложные. Гораздо ближе он был к своей матери, Гедвиг. Она была воспитана в католическом монастыре и перешла в лютеранство лишь непосредственно перед замужеством. Исключительно элегантная, утонченная, с изысканными вкусами и артистическими задатками она была очень нетипичной супругой провинциального пастора. Эти ее элегантность и артистичность с самого раннего детства производили впечатление на Йохена.

По окончании гимназии он, верный семейной традиции, решает изучать теологию. Среди остальных студентов он выделяется своей болезненностью, исключительно элегантной одеждой, несколько экзальтированными манерами, интересом ко всему, что связано с модой и приверженностью культуре декаданса. В это время он публикует свои первые стихотворения, написанные в манере Рильке.

Однако все это нисколько не мешает ему очень серьезно и глубоко заниматься собственно богословием. Наибольшее впечатление при этом на него производят лекции профессора Рудольфа Германна о Лютере и его теологии, которые Йохен слушает в университете Бреслау.

3.

Рудольф Германн был в то время одним из самых известных представителей так называемого «Лютеровского ренессанса». Это было теологическое течение начала 20-го века, которое современный богослов Генрих Ассель назвал «другим прорывом»⁵.

⁴ Биографические сведения я даю на основе непосредственно дневников Клеппера (Jochen Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel. Aus dem Tagebüchern der Jahre 1932-1942*, Stuttgart-Zürich-Salzburg 1956), классического труда Риты Тальманн (Rita Thalmann, Jochen Klepper. *Ein Leben zwischen Idyllen und Katastrophen*, München 1978) и отчасти одной из новейших публикаций Heinz Grosch, *Nach Jochen Klepper fragen. Bilder Dokumente Biographisches*, Stuttgart 2003). В дальнейшем ссылки даются при прямом цитировании и дополнительно лишь в отдельных случаях.

⁵ Heinrich Assel, *Der andere Aufbruch. Die Lutherrenaissance – Ursprünge, Aporien und Wege*: Karl Holl, Emmanuel Hirsch, Rudolf Hermann (1910-1935), Göttingen 1994.

Под первым прорывом подразумевается богословие Карла Барта и вдохновляемая им диалектическая теология. Слово «прорыв» тоже не случайно. Речь идет о новом пути в теологии, о выходе из той ситуации, которая сложилась в ней в конце 19-го века. Эта ситуация, упрощенно говоря, определялась противостоянием либеральной и консервативной школ. Положительным в классической либеральной теологии было ее гуманистическое начало и открытость результатам критических исследований, в том числе библейской критике. Однако многие либеральные богословы были склонны сводить христианство к морали, к нравственному учению, направленному на просвещение человека и едва ли ни на построение царства Божия уже здесь на земле. Консервативные теологи сохраняли верность традиционным догмам, однако зачастую они оказывались неспособны к их живому и творческому осмыслению, в их богословии давала о себе знать определенная закостенелость, черствость. Оно превратилось в своего рода новую схоластику.

Поэтому совсем неудивительно, что теология Карла Барта впервые ярко и страстно сформулированная им в его комментарии к Посланию к римлянам была воспринята как новое слово, как подлинный прорыв в богословии. Карл Барт говорил о радикальном отличии христианства от всех религий. Религии – это человеческие искания Бога. Они не способны привести к истинному Богу, поскольку Тот непостижим и абсолютно отличен от всего, что мы знаем в мире. В христианстве же мы имеем дело так сказать с движением в противоположном направлении: не от человека к недостижимому Богу, но от Бога к человеку. В христианстве мы сталкиваемся с откровением Самого Бога с подлинным и единственным Его откровением, откровением в Иисусе Христе. Поэтому мы можем говорить о Боге, только исходя из того, что нам открыто в Его Слове, а не из наших идей, чувств и представлений, сколь бы возвышенными и глубоко религиозными они ни были.

Однако почти одновременно с «Посланием к римлянам» Барта вышла еще одна книга: сборник статей о Лютере берлинского профессора Карла Голля⁶. Эта книга и стала началом «другого прорыва» в теологии, началом «Лютеровского ренессанса». Подобно диалектической теологии «Лютеровский ренессанс», преодолевая традиционные границы, объединил вокруг своих идей богословов самых разных направлений: и

⁶ Karl Holl, Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. I. Luther; zweite und dritte vermehrte und verbesserte Auflage, Tübingen, 1923.

либеральных и консервативных⁷. В центре «Лютеровского ренессанса» стоит, как это и следует из названия этого течения, интерес к Лютеру.

Для того времени это не было чем-то само собой разумеющимся. Либеральные теологи относились к Лютеру с известной осторожностью, или же истолковывали его всего лишь в смысле борца за свободу совести. Консервативные же богословы использовали в качестве опоры для своей теологии охотнее вероисповедные книги лютеранской Церкви, чем самого Лютера, резкого и непредсказуемого в дерзости и парадоксальности его высказываний.

Книга Карла Голля вызвала новую мощную волну интереса к Лютеру. И прежде всего это касалось раннего Лютера, его ранних работ и лекций, которые, надо сказать, до начала 20-го века вообще оставались неизвестными.

При этом «Лютеровский ренессанс» в отличие от диалектической теологии признает религиозную ценность человеческого опыта и переживаний, поскольку именно религиозный опыт Лютера, опыт его искушений и исканий, ставит он в центр своей теологии. В отличие же от либеральной теологии «Лютеровский ренессанс» большое внимание уделяет реальности греха и гнева Божия. И наконец, в отличие от консерватизма теологи «Лютеровского ренессанса» не стесняются жестко заданными догматическими рамками, ведь для них на первом плане стоят живые чувства и переживания человека перед Богом.

Ранний Лютер при этом вызывает интерес прежде всего потому, что в его работах с одной стороны сохраняется еще сильное влияние средневековой католической Церкви, традиционной монашеской теологии, с другой стороны его реформаторское прозрение, или – если не само реформаторское прозрение еще, то по крайней мере его страстные и мучительные его поиски⁸ - еще очень свежи и ярки, они не успели еще превратиться в застывшие, отчасти набившие уже оскомину формулировки, они сохраняют еще свою юную динамичность, подвижность и мощь.

Опыт оправдания невозможен без глубочайшего познания греха. Христианин – грешник и праведник одновременно. Эта истина прослеживается в теологии Лютера

⁷ Я понимаю здесь «Лютеровский Ренессанс», с одной стороны, в специфическом, с другой стороны - в широком смысле: как порожденный или связанный с книгой Карла Голля интерес к богословию раннего Лютера, к его экзистенциальной составляющей, возникший в среде, прежде всего, немецкого богословия начала 20-го века.

⁸ О проблеме датировки и содержания так называемого „реформаторского прорыва“ Лютера и об отличии его ранней теологии от позднего учения см. например, Bernhard Lohse (Hg.), *Der Durchbruch der reformatorischen Erkenntnis bei Luther. Neuere Untersuchungen*, Stuttgart 1988.

практически с самого начала и до конца. Но при этом богословие раннего Лютера все же сильно отличается от его более поздних воззрений.

У позднего Лютера закон обвиняет человека, показывает ему всю глубину его падения и тем самым доводит его до отчаяния, но затем Слово Евангелия, - другое Слово Бога, Слово прощения и оправдания во Христе спасает человека из этого отчаяния и дарует человеку уверенность в благодати и спасении.

Ранний же Лютер не разделяет еще закон и Евангелие, он знает лишь одно слово Бога – Слово о кресте, Слово суда, и это Слово открывает величие и святость Божию с одной стороны и весь грех и ничтожество человека – с другой, это откровение приводит человека к отчаянию, словно бы «сораспинает» его Христу, но само это отчаяние, само сомнение в собственном спасении являются благодатными и оправдывают человека перед лицом Божиим, потому что в них человеку открывается истина о себе и о Боге и он, человек, оставляя всякое упование на себя самого, может надеяться только на безмерность Божьего милосердия к нему.

Поэтому только испытывая ужас перед судом Божиим, только трепеща в сознании своей ничтожности и недостойности перед лицом бесконечно святого Бога, только самым радикальным образом осуждая себя, только так обретает верующий благодать согласно учению раннего Лютера.

4.

Немалую роль в богословии Лютера играют размышления о *deus absconditus*, о сокрытом Боге. Это учение Лютер развивает прежде всего в своем труде «О рабстве воли»⁹. С самого начала это учение Лютера стало для протестантской теологии камнем преткновения. Уже в «Формуле согласия» – одной из вероисповедных книг лютеранской Церкви – можно найти полемику с ним¹⁰.

В этом своем труде Лютер размышляет о нашем бессилии и о всемогуществе Божиим. При этом всемогущество Бога он понимает не просто как потенциальное, не просто в том смысле, что Бог может в принципе сотворить все, что Он захочет, но как актуальное. Это значит, что Бог непосредственно правит миром. Все, что происходит, совершается по Его воле. Бог стоит за всеми событиями, за всеми процессами, иначе Он не был бы истинным Богом, а всего лишь одной из сил этого мира, которая действовала бы во Вселенной наравне с другими конкурирующими силами. Но тогда

⁹ *De servo arbitrio*, Clemen III, 94 - 293. Немецкий текст см. Martin Luther. *Dass der freie Wille nichts sei. Antwort D. Martin Luthers an Erasmus von Rotterdam*, München 1954. Существует и русский перевод этой книги Лютера.

¹⁰ Например, BELK, 817-818.

такое всемогущество с неизбежностью означает, что Бог стоит и за всем совершающимся злом. Бог не просто допускает зло. Оно совершается – и в этом не может быть сомнений - по Его воле.

Но мало того. Самым утешительным, но и самым тяжелым стало для Лютера открытие Божественного предопределения. Не мы сами спасаем себя своими делами, но Бог избирает нас и спасает нас во Христе. Сам, без всяких заслуг, без всякого содействия с нашей стороны дарует Он нам вечную жизнь. Это главное прозрение Лютера и основополагающая истина евангелического вероучения. Однако из него следует, что точно также множество людей без всякой, так сказать, вины с их стороны Бог обрекает на вечное проклятие. Нет, они, конечно, грешны, более того - они оскорбляют Бога своим неверием и своей виной, но ведь они таковы не по своей воле – такими создал их Сам Бог, Он Сам – никто иной - ожесточил их сердца. Допустить иное, допустить, что человек сам может каким-то, хотя бы незначительным, образом воздействовать на свою судьбу в вечности, хотя бы даже допустить, что человек способен по своей воле просто принять или отклонить дарованное ему спасение, допустить такое значило бы отказать Богу во всемогуществе, более того это значило бы бесконечно принизить жертву Христа. Ведь тогда оказалось бы, что в конце концов человек спасается сам, что его свободное решение, а не крест Христа – последняя и главная причина его спасения. Крест Христов превращается всего лишь в инструмент человека, которым тот сам спасает себя.

В этом величайшее наше утешение – знать, что наше спасение не зависит от нас, с нашими ничтожными силами, а только от Бога, что Он Сам предопределяет нас ко спасению и никто и ничто не может противостоять Его воле – никакое зло и никакой грех, никакие наши ошибки, проступки и падения. Но в то же самое время именно из этой веры вытекает и то, что Бог ответственен и за все зло в мире и Он же ответственен за вечную гибель множества обреченных Его гневом людей, - обреченных еще до своего рождения.

Бог открытый, открывшийся нам во Христе - это Бог любви и милосердия, Бог прощения. Вера в этого Бога наша единственная надежда перед лицом греха, смерти и нашего собственного бессилия. Но за этой верой с неизбежностью кроется темная и страшная тайна последней, сокрытой Божественной глубины, тайна сокрытого Бога, чью волю мы не можем постигнуть, чья воля не только непонятна нашему разуму, но и противоречит всем нашим чувствам, самой нашей христианской совести, совести,

которая воспитана на Его Слове, как Слове любви. И такой опыт, опыт встречи с самой последней и самой страшной божественной глубиной, опыт встречи не с Богом во Христе, не с Богом, каким Он пожелал открыться нам а с, как называет сокрытого Бога Лютер, с «самим Богом», ведет его к непереносимым приступам искушений и отчаяния. Он сам пишет, что бесполезно и опасно углубляться в эту Божественную тайну, что достаточно твердо держаться веры в спасительную силу откровения Христова.

Многие богословы выводят отсюда необходимость попросту забыть о сокрытом Боге, закрыть на Него глаза, считать, что все, что связано с ним, нас не касается. Но тогда мы теряем представление о подлинном величии Божественной святости, которую невозможно измерить никакими человеческими масштабами и образами, о подлинном величии того, что стоит за откровением Христовым, не говоря уже о том, что, отказывая Богу в абсолютном всемогуществе, само наше спасение ставим мы тогда под вопрос.

Другие – и это отчасти происходит, например с Карлом Голлем, - принимают мысль о сокрытом Боге, но они стараются объяснить Его, вписать Его в более или менее стройные богословские и этические системы, как один из элементов вероучения¹¹, в то время как Лютер просто замирал в немом изумлении и ужасе перед этой тайной, стоящей по ту сторону всевозможных вероучений, убеждений и норм.

По моему личному убеждению в опыте сокрытого Бога заключается одна важная истина. Этот опыт демонстрирует нам всю глубину непостижимости, всю абсолютность инаковости Божией. Эту непостижимость, эту инаковость можно описывать по-разному. Например, так, как это часто делается в популярных проповедях: Бог выше и глубже любых наших представлений, скажем Его Любовь – больше и возвышеннее любой человеческой любви. Об этой непостижимости Божьей можно говорить и куда более серьезно, - так, как о ней учит православная апофатика. Согласно ей о Боге в Его сущности невозможно сделать никаких положительных высказываний, Он настолько принципиально отличен от всего, известного нам в мире, что о Нем можно говорить, только лишь прибавляя ко всякому определению или сравнению отрицательную частицу¹².

Но на мой взгляд даже этого недостаточно. Непостижимость Бога, прежде всего, в другом. Это непостижимость противоречия, болезненного разрыва в нашем

¹¹ Karl Holl, Was verstand Luther unter Religion // K. Holl, Luther, с. 38-44.

¹² См. например, Karl Christian Felmy, Orthodoxe Theologie. Eine Einführung, Darmstadt 1990, с. 25-37.

восприятию Бога. Бог – это тот, Кто обрекает людей проклятию и Бог – это Тот, Кто отдает людям Себя в жертвенной любви. Бог – это тот, Кто называет смерть своим заклятым врагом и тот, Кто сам предает людей смерти.

Эти высказывания невозможно примирить между собой. Мало того, если принимать их всерьез, то речь идет не просто о богословских утверждениях, пригодных лишь для высоконаучных дискуссий. Речь идет о расколотости самого нашего христианского бытия. Эта непостижимость переживается нами, как экзистенциальная, как пронизывающая все наше существо в мучительном противоречии. Только размышляя о таком противоречии, о таком разрыве в том образе Бога, который мы имеем, можно понять, что Он действительно непостижим. Настолько непостижим, что говорить, размышлять о Нем можно только в противоположных, несовместимых, даже враждебных друг другу понятиях. Бог непостижим не только для нашего разума, но и для наших чувств.

Вся теология, на мой взгляд, в сущности это попытки либо искусно подчеркнуть одну сторону противоречия и увести другую в тень, либо же при помощи хитроумных искусственных построений примирить эти враждующие стороны нашего боговосприятия между собой. И то и другое по-человечески вполне понятно и даже, наверное, неизбежно. Но и то и другое смягчает, приглаживает, делает более удобной и поверхностной, а потому и менее истинной нашу веру. Принять на себя это мучительное противоречие, этот мучительный разрыв во всей его сокрушающей силе – это и есть подлинная встреча с Богом, символом которой является Крест.

5.

Так было и у Йохена Клеппера. Как я уже говорил, он через своего учителя, профессора Германна воспринял идеи «Лютеровского ренессанса», в том числе интерес к учению Лютера о сокрытом Боге. И для него они стали больше, чем просто отвлеченными размышлениями. Он буквально живет ими.

Особое место при этом в его раздумьях занимает таинственная «хула на Святого Духа», единственный грех, который согласно словам Христа не может быть прощен¹³.

Таинственный - потому, что нигде не сказано подробнее, в чем именно он заключается. И эта таинственность мучительна, ведь речь идет о том единственном грехе, который обрекает человека проклятию. Клеппер может лишь предполагать, что это грех против

¹³ Мк. 3, 28-29 или Лк. 12, 10.

веры, тот грех, который связан с сознательным отвержением Бога... Однако, что это означает конкретно, как это проявляется, он не знает и более того считает, что это – сокрытая от людей божественная тайна. Свои мучительные внутренние вопрошания и метания изливает Клеппер на страницах своего дневника:

Что такое освящение и его плод? (...) Что такое избрание без освящения? Что такое грех против Святого Духа? Невозможно сомневаться в избрании, если Бог говорит так, как Он это делает! Что с еврейским народом? Избрание, которое должно пройти через весь ужас отверженности, прежде чем оно, избрание, будет постигнуто? В чем грех против Святого Духа? Кто способен совершить его? Почему из всего, из всех раздумий, вырастает этот единственный вопрос?

Что бы ты не испытывал и не переживал, - все ведет все время, снова и снова, к опыту полного своего бессилия, бессилия в которое говорит Бог¹⁴.

Из этих слов видно, что размышления Клеппера о грехе против Святого Духа – это не просто праздное любопытство, вызванное одним не вполне ясным местом Писания. Это глубокие размышления об избрании и проклятии, о самом Боге, сокрытом завесой непроницаемых и пугающих тайн, в том числе и тайны непростительного греха.

Еще в 1933 году он делает в своем дневнике запись, которую можно считать одним из самых интересных с богословской точки зрения в истории протестантизма и одним из самых лично окрашенных описаний проблемы сокрытого Бога:

И проповеди и моления совершаются в покаянии перед Богом, который Сам исполняет все законы Своей святости: Он и в тысячах миллиардах солнц даже чуть-чуть не приоткрывший ни одной из Своих тайн, Он под «маской» еврейского ребенка, Сына Человеческого, стал близок и постижим для самых отверженных ... Христос для меня – это единственно выносимый для нас образ Бога, явленный среди людей (...) Бог весь во Христе. Но Христос - это еще не весь Бог. Я живу в таких парадоксах веры, - и только когда я читаю Исаяю или Лютера мне приходит успокоение¹⁵.

Бог весь во Христе. Но Христос – не весь Бог. В этих словах и горячая вера в любовь Божию, открытую в Иисусе из Назарета и благоговение перед величием и святостью недоступного человеческому разуму и человеческим чувствам, даже самым лучшим, чистым и глубоким человеческим чувствам, Бога¹⁶. И все же этот Бог, этот

¹⁴ Дневники, запись от 14 сентября 1935 г. См. также комментарий Клеппера к Шестому прошению «Отче наш» в *Das Vaterunser. Eine Auslegung ...*, Witten u. Berlin 1963, с. 77-102, особенно с. 87.

¹⁵ Дневники, запись от 16 июля 1933 г.

¹⁶ Подробнее см. Thomas Reinhuber, *Die Verborgenheit Gottes. Überlegungen im Anschluß an Luthers Streitschrift „De servo arbitrio“*, // Joachim Heubach (Hg.), *Welthandeln und Heilshandeln Gottes. deus absconditus, deus revelatus*, Erlangen 1999, с. 75-94

непостижимый, даже непереносимый в Своей святости Бог бесконечно близок нам. В этом благословение, но в этом и трагизм, тяжесть, мучительность жизни верующего. *Вера – это жестокое страдание,-* пишет Клеппер - *и тем не менее его невозможно отдать ради никаких мирских утешений или радости, никакие наши желания и стремления не имеют над ним власти (...) Только это страдание веры удерживает меня у Бога, чья воля обо мне, чьи требования ко мне, остаются сокрытыми*¹⁷.

Иными словами Клеппер описывает эту же истину в своем стихотворении «Пророк», в котором обобщенно отражается ситуация призвания пророка на служение, как оно рисуется во многих книгах Библии. Это стихотворение, как и все следующие, которые я буду цитировать, я предлагаю в моем собственном переводе:

*Пророк молчал. «Пошли меня, святого» -
Не вырвалось из уст его, ведь страшно
Нам, людям, в руки Бога впасть живого.
Клеймом горит то слово в душах наших.*

*Пророк молчал. «Вот я, приуготовлен!» -
Не вырвалось из уст его: он гневу
Был Бога обречен, но все же, Бог с ним
Как некто с другом своим, вел беседу (...)»*¹⁸

6.

Не удивительно, что Клеппер всю жизнь с трепетом и глубочайшим почтением относится к пасторам и их служению, к тем, кто как пророки, призваны возвещать Слово Божие. Однако сам, выполнив почти всю программу университетской учебы, он бросает ее уже на стадии дипломной работы. Отчасти это было связано с состоянием его здоровья: непереносимые головные боли, бессоница, невроты и депрессии. Отчасти, Клеппер оставил учебу потому, что окончательно убедился, что его призвание лежит в области поэзии, литературы и журналистики. Его мечта - стать протестантским поэтом, каким бы проблематичным ни было для него само это понятие протестантской поэзии. Он описывает ее описывает следующим образом:

¹⁷ Дневники, записи от 12 и 14 марта 1936 г.

¹⁸ Немецкий оригинал см. Jochen Klepper, „Ziel der Zeit“. Die gesammelten Gedichte, Witten und Berlin 1967, с. 18.

Только там, где поэзия уничтожается откровением Писания и истории, действием Бога в людях, там где поэзия капитулирует перед откровением ... только там может проскочить искорка протестантской поэзии... Протестантская поэзия протестует против себя самой¹⁹.

Клеппер убежден, что протестантская поэзия не только должна возвещать прощение, данное от Бога, но и сама нуждается в Его прощении; ведь никакое человеческое слово не способно во всей полноте выразить Божье откровение, так как это делает Священное Писание. Любая поэзия, в том числе и протестантская поэзия – это грех, это ни что иное, как нагромождение лжи и суеты, но и эти ложь и суету Бог может использовать для того, чтобы что-либо сказать нам.

7.

Нетрудно, однако, догадаться, что оставление университета изрядно расшатало его и без того сложные отношения с отцом.

Окончательно разрушила эти отношения, а заодно и отношения Йохена с матерью его женитьба на Иоганне Штейн, с которой он познакомился в Бреслау, снимая у нее квартиру. Многое здесь сыграло роль: и то, что Иоганна или Ханни была на 13 лет старше Йохена, и двое ее дочерей от первого брака (с которыми Клеппер с первых же дней знакомства замечательно поладил) и – главное, наверное - ее национальность – она была еврейкой.

Отношения с семьей, с Бейтеном – родным городом – и особенно, отношения с отцом становятся одной из самых сложных и болезненных линий в жизни Клеппера. Лишь перед самой смертью отца у них намечается что-то вроде робкого примирения, затем Йохен снова несколько сближается и с матерью, но напряженность их отношений уже никогда не исчезнет.

Заклучая брак, Йохен уже мог догадываться о многих трудностях, которые должны были прийти за этим шагом. То, о чем ни он и никто другой еще и предполагать не мог – это было торжество национал-социализма и, соответственно, та невыносимая ситуация все нарастающей угрозы, в которой оказался сам Йохен, его жена и ее дочери от первого брака: Бригитта и Рената.

Однако и вначале, и потом, даже в самые тяжелые минуты, когда лишения и преследования, вызванные его браком достигли апогея, Йохен не переставал видеть в нем благословение и даже более того свое спасение. «Не будь Ханни, - пишет он в

¹⁹ Дневники, запись от 16 июля 1933 г.

дневнике, - я бы тогда просто сошел с ума». И это не преувеличение. Старшая, более опытная и практичная Ханни действительно, спасла его тогда от тяжелых депрессий, вызванных отчасти полосой творческих неудач, и потом умела она поддерживать его, помогать ему, находить нужные слова ободрения и сочувствия.

8.

В 1932 году семья Клепперов переезжает в Берлин. Йохен считает, что в столице у него будет больше возможностей реализовать свои таланты. Ему удастся найти место на радио. Однако приход Гитлера к власти означает для Йохена неизбежное увольнение, причина понятна: брак с женщиной «неарийского происхождения». Некоторое время удастся проработать в одном из берлинских издательств, но и это место не получается сохранить.

Положение становится все серьезнее. И тем не менее Клепперы строят свой дом. Для Йохена это больше, чем просто попытка несмотря ни на что закрепиться в столице. Это шаг веры. Он сам называет свой дом «полем Иеремии»²⁰, напоминая тем самым о поступке библейского пророка, купившего себе в знак надежды участок земли в оккупированной врагом, казалось бы, навсегда погибшей стране.

Впрочем, прожив в доме всего несколько лет, семья Клепперов должна оставить его. Дом должен быть снесен из-за новых планов развития Берлина: на его месте должно пройти автомобильное шоссе. Вскоре однако построен новый дом, ставший самым любимым и - последним. «Все евреи продают все и уезжают – говорит Ханни Йохену с какой-то гордостью, - а я строю, вместе с тобой!»

Тема своего дома – одна из самых главных тем дневников Клеппера. Невероятно подробно, с любовью к мельчайшим деталям снова и снова описывает он обстановку комнат, праздничное убранство дома перед Рождеством, даже просто воскресный семейный стол. Сколько времени проводят Йохен и Ханни в антикварных магазинах, подыскивая подходящую по стилю мебель или украшения! Унаследованный от матери утонченный вкус Йохена и врожденная элегантность Ханни, которая происходит из одной из знаменитых династий модельеров, ничем при этом не уступают друг другу. Такая привязанность к своему дому может выглядеть чрезмерной, даже болезненной. Кому-то покажется, что в этом есть что-то мещанское. Но нельзя забывать о том, что свой дом стал для этих людей единственным убежищем среди бесчеловечного и

²⁰ Иер. 32, 6-44.

безбожного мира. Свой дом для Йохена – это попытка создать маленькую идиллию, вновь уловить слабый отблеск закрытого людям рая.

Мой дом – пишет он, однако – это не радостное созидание молодого человека. Он – это с трудом добытый островок для двух человек, существование которых находится под постоянной угрозой²¹.

Поэтому не удивительно, что, когда речь идет о своем доме, к слову «идиллия» Йохен постоянно добавляет: «трагическая». Одна из исследовательниц творчества Клеппера сравнила его дом с Ноевым ковчегом²². Это в сущности очень верно, с той лишь поправкой, что этот ковчег – в отличие от того, библейского – был в конце концов захлестнут и опрокинут водами потопа...

Но дом – это не просто возможность - пусть и обманчивого – бегства от жестокости и враждебности окружающей жизни. Для Клеппера свой дом – это глубокий религиозный символ. Так, с одной стороны, он остро осознает, что только на фоне радости о своем доме можно по-настоящему понять слова Христа о Себе, о том, что Сыну Человеческому негде преклонить голову на земле²³. С другой стороны любимый дом является для Йохена символом, предвосхищением небесных обителей, вечного дома. «Вечный дом», - так должен был называться последний, оставшийся неоконченным роман Клеппера о Катарине фон Бора, супруге Лютера!²⁴ Дом – это символ. Причем не такой символ, который человек видит, или о котором он размышляет, а символ, в котором он - в самом буквальном смысле этого слова – живет.

9.

Но не только дом – все в жизни - воспринимает Йохен Клеппер как религиозный символ. И в этом главная, пожалуй, особенность его веры и его богословия. Вся человеческая жизнь для него – это постоянная, обращенная к человеку речь Бога. При этом дневник Клеппера – это документ постоянных метаний: то он пытается разгадать за всем происходящим в его жизни, за какими-либо важными конкретными событиями план и замысел Бога, ищет знаки и знамения, пытается подвести происходящее в своей жизни под какие-либо библейские изречения, то одергивает себя самого призывом склониться перед непознаваемостью воли Божией, призывом отказаться от поиска

²¹ Дневники, запись от 12 октября 1933 г.

²² Karin Struck, „Familiertisch, Schreibtisch, Tisch des Herrn“. Hommage an Jochen Klepper // Oliver Kohler (Hg.), Wir werden sein wie die Träumenden. Jochen Klepper – Eine Spurensuche, Neukirchen-Vluyn, 2003, с. 26.

²³ Мф. 8, 20; Лк. 9, 58.

²⁴ См. Jochen Klepper, Die Flucht der Katharina von Bora. Aus dem Nachlass herausgegeben und eingeleitet von Karl Pagel, Stuttgart 1983.

внутреннего религиозного смысла той или иной жизненной ситуации, какие бы ясные толкования происходящего ни напрашивались на первый взгляд²⁵.

В одном он уверен: все, что совершается в его жизни происходит от Бога. Бог ведет его через жизнь Своими порой – или даже не порой, а как правило – непостижимыми, сокрытыми от человеческого взора путями. В связи с этим Клеппер размышляет о ступенях веры в жизни христианина:

Первая степень веры возникает из чудес и знамений или из великих деяний Божиих; вторая верит лишь Слову Божию без знамений и деяний; такую веру можно обрести лишь в жизни, полной горького опыта; третья, совершенная вера обходится без знамений и слов. (...) Она принимает все, что есть и что совершается, как приходящее от Бога и связывает все с Богом и с незримыми вещами. «Праведный верую жив будет»²⁶.

Отсюда и столь существенное для Клеппера противопоставление веры и надежды: будь это даже и надежда на Провидение Божие, - вера стоит неизмеримо выше. И она куда труднее.

Сколько раз в своей жизни сталкивался Клеппер с тем, что неожиданно находится чудесное решение казалось бы неразрешимых проблем, но и наоборот: порой там, где ему однозначно видится спасительная рука Божия, Его Провидение все в конце концов оборачивается катастрофой. И со временем именно последнее случается все чаще. Так, за год до смерти, появляются в его дневнике страшные строки, написанные рукой смертельно усталого и измученного борьбой за своих близких человека:

День за днем молюсь я вместе со Христом: «Да будет воля Твоя». Но мое человеческое сердце говорит на это: «Это не ты, Отец»²⁷.

И еще несколькими месяцами позже:

Бог отдал нас в руки мира сего – ах, только бы не во всем. Ибо тогда - конец, конец в беспросветной тьме и без всякого исполнения²⁸.

Это слова человека, стоящего на грани отчаяния, а, может быть даже, и за его гранью.

Но и там, за этой гранью, отношения с Богом не прерываются, хотя и обретают особый трагизм. Но об этом чуть позже.

²⁵ См. например, записи в дневниках от 25 мая 1933 г., 10 июня 1933 г., 22 августа 1933 г., 3 марта 1934 г., 20 апреля 1934 г., 31 декабря 1934 г., 20 декабря 1939 г., 12 ноября 1941 г., 16 апреля 1942 г. См. также статью Клеппера о задачах христианского романа: Jochen Klepper, *Der christliche Roman*, Berlin-Steglitz 1940.

²⁶ Дневники, запись от 22 августа 1937 г. Библейская цитата: Авв. 2, 4, ср. Рим. 1, 17.

²⁷ Дневники, запись от 4 декабря 1941 г.

²⁸ Дневники, запись от 4 сентября 1942 г.

10.

Пока же мы подходим к, пожалуй, центральной теме в богословии Йохена Клеппера, к теме человеческой вины и Божественного Провидения. Человек, в том числе и оправданный Христом, насквозь проникнут грехом. Все его мысли, поступки, слова – грешны. В человеке нет ничего, что было бы безгрешно, богоугодно. Для Клеппера в этом – основная истина христианской веры и глубочайшее прозрение протестантизма, это то, что радикально отличает протестантизм от католичества. Католичество для Клеппера - словно последняя ступень перед собственно христианской верой, потому что в католицизме человеку оставляется его достоинство, за человеком признается возможность совершения добра, обретения заслуг перед Богом. Не случайно, замечает Клеппер, кажется, что многие католики в моральном отношении стоят выше протестантов. Он пишет в своем дневнике:

Католик работает с чувством напрасности своего труда перед людьми и заслуги перед Богом. Мы же, протестанты, должны выносить нашу жизнь с чувством напрасности нашего труда перед людьми и его отверженности, проклятости перед Богом²⁹.

Что бы человек ни делал, какое бы решение в определенной ситуации он ни принял – это будет грех. Даже самое лучшее, самое высокое в человеке грешно и обречено проклятию – в этом Клеппер абсолютно един с Лютером. В какой-то момент он кажется способен сделать и шаг дальше: даже наша вера, оправдывающая нас вера во Христа, подлежит божественному суду.

Все, что человек есть и все, что он делает, проникнуто грехом. Но это лишь одна сторона медали. Вторая заключается в том, что все совершается по Божьей воле. Это значит, что Бог действует не просто вопреки нашим греху и вине, но и через них, в них. *Жить для Клеппера означает постоянно заблуждаться и в то же самое время в этом заблуждении быть ведомым Богом. Бог открывается не вне человеческой вины и человеческого греха, но в самой глубине их. Бог, действующий в грехе – это тоже сокрытый, непостижимый Бог, но это и есть Бог, открывшийся в страданиях, проклятии и вине креста.*

11.

Не удивительно, что перед лицом этой истины Клеппер всю жизнь задается мучительным вопросом о плоде своей жизни, своих трудов. Особенно остро такой вопрос стоит перед художником и поэтом. О каком плоде нашем может быть речь,

²⁹ Дневники, запись от 5 ноября 1935 г.

когда все в нас с одной стороны греховно, с другой является ничем иным, как действием и произведением Самого Бога. Какой *мы* можем принести плод? Но тем не менее о нем говорится в Писании³⁰. Может быть, Писание имеет в виду, что сама наша вера является таким плодом? Но такое предположение остается для Клеппера неубедительным. Когда Писание говорит о плоде, то речь ведь идет не о самой вере, но о жизни в вере. В этих своих внутренних исканиях Клеппер открывает для себя в конце концов традиционное понятие лютеранской теологии «освящение». Он даже – и это, пожалуй, единственный раз в своей жизни - чувствует некий внутренний конфликт с Лютером и протестантизмом. Конфликт из-за того, что освящение играет в нем крайне небольшую роль.

Однако в отличие от многих проповедников Клеппер видит в освящении не некий постоянный прогресс, не некое постоянное развитие и совершенствование христианина. Он пишет в своем дневнике:

Я никак не могу утверждать, что христианство приносит мне успокоение. Слишком мучительны для этого противоречия. Чего стоит, например, освящение, которое вроде бы должно приносить плод? Я знаю лишь одно, что речь Бога, обращенная к людям в слове Писания, что отражение всех событий жизни в этой речи являются главным содержанием моей жизни³¹.

И несколькими годами позже он признается:

Вера возникает во все новых и новых прорывах, каждому из которых предшествует угроза полной внутренней катастрофы. Освящение становится не сохранением и подтверждением веры, но снова и снова должно быть выстрадано³².

Освящение, если о нем вообще можно говорить в таком контексте, это не внутренний духовный рост христианина, даже не просто поддержание своего внутреннего состояния на уже достигнутом уровне, но постоянные страдания и мучительные сомнения. И тем не менее, только они способны приводить к подлинному и плодотворному обновлению веры.

12.

Весь этот свой внутренний опыт, опыт сомнений, порой переходящих в отчаяние, опыт острого осознания своей вины, страха перед судом Божьим, опыт сокрытого Бога, ведущего человека по жизни воистину неисповедимыми путями, опыт мучительных

³⁰ Ср. Лк. 13, 6-9 или 2 Петр. 1, 8.

³¹ Дневники, запись от 13 марта 1935 г.

³² Дневники, запись от 20 июня 1940 г.

вопрошаний и опыт твердой уверенности, - все это выражает Йохен Клеппер в своих духовных песнопениях. Так рождается небольшой сборник духовных стихотворений «Кирие»³³. С самого начала он пользуется огромной популярностью в церковных кругах, целый ряд композиторов пишет мелодии для этих стихотворений. Вот несколько строк из одного, наверное, самого проникновенного песнопения, которое однако, к сожалению, не входит ни в один из наиболее известных современных сборников. Оно называется «Причастное песнопение на Рождество».

*На Свой высокий праздник света
Ты всех страдающих созвал.
Но луч Твоей звезды ответом
Для тех лишь станет, кто познал
Всю глубину своей вины,
Для тех, кто в страхе смущены (...)*

*Пусть в разноцветии веселом
Весь мир встречает праздник Твой.
Нас Ты ко мраку приготовил,
К ночи, - с единственной звездой.
И как перед крестом Твоим,
Мы перед яслями стоим (...)³⁴*

13.

Сборник «Кирие» - второе из двух произведений Клеппера, которые он сам считал значительными. Первым была книга «Отец». Это исторический роман о прусском короле Фридрихе Вильгельме I. Выбор персонажа кажется на первый взгляд удивительным. Фридриха Вильгельма называли «солдатский король», он считается основателем прусского милитаризма и был известен своей жесткостью и авторитарными склонностями. Его нередко сравнивали поэтому с его старшим современником и другом – Петром Великим.

Однако Йохен Клеппер сумел распознать в этой весьма неоднозначной фигуре человека глубокой веры. Христианская вера, протестантизм, по крайней мере, в восприятии писателя, стали главной основой и стержнем зарождавшегося прусского государства.

³³ Jochen Klepper, Kyrie, Bielefeld, 1992.

³⁴ *Mein Gott, dein hohes Fest des Lichtes*, Kyrie, с. 34-35.

Клеппер ищет и находит поэтому сходство между Пруссией и ветхозаветным народом Израиля.

Работая над романом, Клеппер, бывший некогда членом социал-демократической партии, постепенно приходит к монархистским убеждениям. Однако в монархии он видит не столько политический строй, который был бы лучше какого-либо другого, сколько притчу, религиозный образ, данный нам в Писании самим Богом. Царь, король, правитель – это своего рода символ, благодаря которому мы можем лучше понять Бога, Бога который обладает полной властью над миром, может судить, казнить и прощать по своему собственному усмотрению. Вот что говорит один из персонажей романа, обращаясь к королю:

Короли, Ваше Величество, короли в вере, являются живыми притчами среди людей. Они хранители священного порядка Божия, за который Он Сам отдал Себя в Своем Сыне. Домоуправителями тайн Его являются короли земли – даже тогда, когда они убивают³⁵.

«Даже тогда, когда они убивают». Так король становится символом сокрытого Бога. Чтобы сохранить порядок, чтобы уберечь творение Божие от гибели под властью ничем не ограниченного греха, король вынужден совершать зло. Добро утверждает себя через зло, жизнь через смерть, благополучие через страдания, воля Божья через грех. И при этом король в отличие от простого чиновника или от избранного правителя не может дистанцироваться от своих дел, дескать «я просто исполнитель закона», для него его дело, это не просто функция, которую он перенимает на время, нет, вся жизнь короля, даже его личная жизнь проникнута властью, король должен нести личную, внутреннюю ответственность за каждый свой поступок, за каждое свое решение.

Так король становится уже не только символом Бога, но и наоборот, образом человека перед лицом Божьим. Все, что мы говорили обо всех людях, о том, что все в человеке исполнено грехом и в то же время совершается по воле Бога, - все это проявляется в личности властителя с особой, невероятной остротой. Клеппер пишет в своем романе:

«У сурового судьи шли круги перед глазами, когда он, измученный притчами и угнетаемый тяжестью образов, реальностью вошедших в его жизнь, видел встающий перед ним последний, самый непостижимый и невыносимый из всех: образ заместительных страданий (...) Его ужасало быть королем и притчей Божьей, верша суд и повелевая, все более нуждаясь в покаянии и ниже самого несчастного из всех

³⁵ Der Vater, с. 305.

своих узников склоняясь перед судом Божьим. Ибо король обречен тяжелее грешить, чем все остальные люди.

Он жил лишь образами. Его сердце омертвело в страхе перед мраком, в котором скрывался Бог, сокрытый Бог, который не допускал никакого другого откровения, кроме откровения креста...»³⁶.

14.

Хотя монархизм Клеппера имеет не политическую, а религиозную природу, он все же усиливает в писателе традиционное лютеранское почитание мирских властей, как данных от Бога и потому неприкосновенных. Не следует преуменьшать и некоторые типичные для того времени националистические тенденции, которые отложились и в мировоззрении Клеппера. Все это привело к тому, что Клеппер решительно отвергал даже мысль о всяком активном противостоянии нацистскому режиму.

Однако режим этот он не мог принять и, конечно, не принимал. В религиозном плане режим Гитлера был для него чем-то демоническим, богопротивным. В политическом плане этот режим был противоположностью как раз «прусской идеи», как ее понимал Клеппер, идеи пусть авторитарного и строгого, но справедливого и основанного на христианских ценностях государства.

Все это отражается в ряде его стихотворений, таких как, например, «Олимпийские сонеты». Как и следует из названия, эти стихотворения написаны во время олимпиады 1936 года в Берлине. Один из олимпийских сонетов носит название «Арсенал». В нем описывается празднично украшенное к олимпиаде здание арсенала в Берлине, на котором вывешены знамена старой прусской армии:

*(...) Они не праздник, - суд нам возвещают,
Взвивавшиеся в битвах и у трона.*

*Пред горечью их мудрости послушно
Вся ложь и миражи все отступают.
Издраны скорбями дней минувших,
Не славят больше флаги, - проклинают.*

Те, что когда-то в будущее вились,

³⁶ Der Vater, с. 603-604.

Сейчас повязки будто, что скрывают

*От палачей приговоренных лица*³⁷.

Разумеется, такие стихи не могли быть в то время опубликованы, они расходились в списках среди друзей и знакомых Клеппера, который благодаря своему роману становится знаменит. Главные читатели его романа, кроме пасторов – прежде всего офицеры вермахта и высокие чиновники Третьего рейха, вплоть до Вильгельма Фрика, министра внутренних дел.

15.

Однако никакая популярность не может спасти от дальнейших преследований, связанных с национальностью жены и христианскими убеждениями писателя.

Внешне все обстоит, наверное даже, не так плохо. Благодаря доходам от романа семья не бедствует, соседи, знакомые относятся к Клепперу и его близким с подчеркнутым вниманием и уважением. Высокие покровители Клеппера из числа поклонников его творчества могут иной раз помочь в той или иной трудной ситуации.

Но холодная и бесчеловечная государственная машина делает свое дело. Самым тяжелым является постоянно растущий страх перед будущим. Вот дочери лишаются возможности всякой приличной учебы, вот не-арийцам запрещены посещения концертов, театров, пляжей, вот на евреев накладывают непосильные выплаты и налоги, выселяют их из квартир, лишают всяких средств к существованию, вот всерьез обсуждается возможность введения закона о принудительном разводе для лиц состоящих с смешанном браке ... вот появляются первые слухи о так называемых «депортациях» - массовой отправке евреев в концентрационные лагеря. О дальнейшей судьбе депортированных при этом ничего больше неизвестно.

С большим опозданием Клепперы задумываются о возможности эмиграции для дочерей. Опоздание связано с тем, что и Йохен и даже его еврейская супруга не могли представить себе жизни вне Германии. Пусть с унижениями, пусть с огромными ограничениями, но лишь бы жить у себя на родине. Ведь первое время многие надеялись, что все для евреев ограничится просто некоторыми лишениями и легким ущемлением прав.

³⁷ *Zeughaus / Olympische Sonette // „Ziel der Zeit“, с. 38.*

Бригитту, старшую дочь Ханни, удалось отправить в Англию, - буквально накануне начала второй мировой войны. Из-за болезни Рената тогда не смогла подняться со своей сестрой на борт корабля. Йохен, Ханни и Рената остаются втроем.

В дальнейшем почти все силы Йохена уходят на заботы о Ренате, на попытки оградить ее от депортации, организовать ее эмиграцию в одну из нейтральных стран. Угроза между тем становится все более реальной, все более страшной в своей конкретности. Я думаю, нет нужды описывать все, через что пришлось пройти семье Клепперов – каждый более или менее может это представить себе сам.

Всего лишь два примера. Вот Йохен ловит себя на том, что то и дело стонет вслух - даже на людях. Вот Рената по вечерам, возвращаясь после принудительной работы, усталая и подавленная, снова и снова просит Йохена, зная его как одаренного рассказчика, описать ей, как протекала бы ее юность, если бы не...

В это трудное время с промежутком в несколько лет Ханни и Рената принимают крещение. В этом шаге не было никакой внешней выгоды: нацистский режим преследовал евреев не по религиозному, а по расовому признаку. Крещение этих двух изначально, скорее, безрелигиозных женщин – следствие личного примера Йохена, примера его глубокой веры.

16.

В 1940 году Клеппера призывают в армию, что он с готовностью и радостью принимает. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, он надеялся, что тем самым сможет помочь своим близким, что семью солдата, сражающегося на фронте, никто не будет подвергать преследованиям. Во-вторых вермахт был для него общественным институтом, в котором, как он надеялся, еще должен был сохраниться старый прусский дух, институтом, который был бы способен, пусть неявно, но противостоять национал-социалистической партии. Ну и в-третьих, сказала, очевидно, его исключительная любовь к порядку и к строгой организации жизни. Клеппер служит в снабжении. Следуя за своим дивизионом, он проходит через Польшу, Румынию, Балканы, доходит до Полтавы. В армии он, в целом очень болезненный и привыкший к удобствам человек, чувствует себя на удивление хорошо: и физически и духовно. В своих военных очерках он может даже назвать продвижение войска по оккупированной территории «паломничеством сердца»³⁸ или сравнить

³⁸ Die grüne Maske // Überwindung. Tagebücher und Aufzeichnungen aus dem Kriege von Jochen Klepper, Stuttgart 1959, с. 238.

облако пыли, сопровождающее марширующих солдат, с тем облаком, в виде которого Бог вел израильский народ по пустыне³⁹.

Однако через несколько месяцев Клеппер вопреки своей воле и желанию своих командиров вынужден возвратиться домой. Он, как состоящий в браке с еврейкой, признан недостойным быть солдатом.

17.

Положение, которое он застаёт дома, иначе как бедственным назвать нельзя. Чего стоит одна шестиконечная звезда, которую теперь должна носить на своей одежде Рената! Она не может даже больше сесть на свое привычное место в церкви или выйти к Причастию и в мучительном стыде прячется за колонной. Угроза депортации, прежде всего для Ренаты, становится более чем реальной. Силы и терпение двух женщин на исходе. Впереди - ничего кроме усиливающегося страха и отчаяния.

Кажется, что Бог молчит. Теперь Клеппер по-настоящему переживает Его непостижимость и сокрытость. И это непереносимое переживание. Его духовным стержнем всегда была вера в Божественное Провидение, которое ведет человека к своей, пусть и непонятной пока, но вполне осмысленной цели. Задачей своей жизни он видел умение в страданиях славить и хвалить Бога. Но теперь страдания и жестокая бессмысленность происходящего достигли границы невозможного, можно сказать, апокалиптической границы. Происходящее вокруг Клеппер уже никак не может соотнести с Богом и тем не менее иначе он просто не может.

Если бы при этом речь шла просто о смерти Ханни и Ренаты – это было бы не так страшно. Но отправку их в концлагерь, отправку в мрачную неизвестность, о которой известно только то, что их ждут там страшные унижения и страдания, - мысли об этом он перенести не может. Клеппер признается в своем дневнике, что больше не способен писать церковные песнопения. Не слова больше, но сокрушенное и бессильное молчание поэта свидетельствует теперь о страшной непостижимости Божией. Нет, как признается он сам, он чувствует в себе по-прежнему неизменную любовь к Богу, но в доверии к Нему, в послушании Ему и в надежде на Него совершился трагический надлом.

И все же в этом своем кризисе веры Клеппер ждет помощи от Бога, ни от кого иного. Он пишет:

³⁹ Die Wolke // Überwindung, с. 259. Ср. Числ. 9, 15 – 23.

Иначе быть не может: Бог должен вновь захватить Себе мою жизнь; я сам не способен принести ее Ему⁴⁰.

И чуть позже он замечает:

Ханни и я теперь знаем, насколько ужасно можно отчаяться в Боге, но мы не можем сомневаться, просто не можем уйти от веры, после столь болезненного разрыва со всякой земной надеждой⁴¹.

Своего рода зримым, материальным символом их веры для Ханни и Йохена становится приобретенная ими в эти дни старинная готическая скульптура благословляющего Христа.

18.

И все же, вопреки всему, земная надежда дает еще раз о себе знать. Сворачивается нечто казалось бы совершенно невозможное. Хотя уже почти никто не принимает у себя еврейских эмигрантов из Германии, Швеция после нечеловеческих усилий самого Клеппера и его друзей дает Ренате разрешение на въезд. Теперь Клепперу нужно идти к Вильгельму Фрику в Министерство внутренних дел, за разрешением на выезд для нее. Ведь когда-то министр пообещал помочь Ренате выехать из страны. Он, поклонник таланта Йохена Клеппера, и сейчас не хочет отказываться от своих слов, более того, он подтверждает писателю, что покинуть Германию будет для Ренаты единственным спасением, и что о выезде нужно серьезно думать и Ханни. Однако окончательное решение должен принимать не он, а руководитель Управления имперской безопасности Адольф Эйхман. Клеппер добивается встречи с ним. Первые результаты разговора, кажется, обнадеживают. За окончательным ответом нужно прийти на следующий день. О результатах этого разговора мы знаем из последней записи в дневнике Клеппера:

10 декабря 1942 года

После обеда переговоры в Управлении безопасности.

Мы умрем теперь – ах, и это в руках Божьих.

Этой ночью мы вместе идем в смерть.

В последние часы над нами – образ благословляющего Христа, который борется за нас.

Под Его взглядом оборвется наша жизнь.

⁴⁰ Дневники, запись от 17 июня 1942 г.

⁴¹ Дневники, запись от 25 ноября 1942 г.

По разному, очень-по разному можно комментировать это самоубийство.

Так, например, та последняя запись в дневнике Клеппера, которую я сейчас зачитал, была в 1962 году среди других материалов обвинения предъявлена на суде над Адольфом Эйхманом в Израиле⁴². Это так сказать политический аспект.

Если говорить об аспекте духовном, то, размышляя об этом их шаге, нельзя забывать о той ситуации полного отчаяния и безысходности, в которую попали Йохен Клеппер и его семья. Один из его друзей так пишет о его смерти:

То, что переживает Йохена Клеппера, это мощь и бессилие его веры. Если бы мне пришлось жить в такой беззащитности, как жил он, как смог бы я выстоять? – Будучи протестантом, я еще никогда не молился за умерших. Однако помолиться за Йохена Клеппера стало для меня внутренней потребностью. Может быть, из-за такого чувства: «Можем ли быть прощены мы, если ему не простится?»⁴³

Надо помнить и о том, что самому Йохену ничего физически не угрожало, ведь он был по законам Третьего рейха чистокровным арийцем. Этот последний шаг стал следствием его любви к своим близким. Он не мог оставить свою жену – даже в смерти. Его смерть стала актом солидарности с ней, с Ренатой, и не только с ними, а в сущности и со всеми, погибшими о рук нацистов. Как как замечают многие комментаторы, Клеппер до самого конца стоял на стороне преследуемых и угнетенных. Это тоже очень важный аспект.

Однако все обстоит еще глубже. Мысль о самоубийстве не была для Йохена чем-то новым. С самой юности он задумывался о проблеме добровольного ухода из жизни. Поначалу при этом он резко отвергал и осуждал самоубийц. Он видел в самоубийстве непростительный грех. Затем же его воззрения изменились. Непростителен только один грех, тот самый таинственный грех против Святого Духа, самоубийство же, как и все прочие грехи, несомненно, подпадают под прощение, дарованное нам Христом. При этом Клеппер вовсе не пытается приуменьшить вину, с которой связано самоубийство. Он вполне отдает себе в ней отчет. Так, за несколько месяцев до смерти, когда навязчивые мысли о самоубийстве стали уже привычными, он признается в своем дневнике:

⁴² См. Ernst G. Riemenschneider, Der Fall Klepper, eine Dokumentation, Stuttgart, 1975, с. 3.

⁴³ Цитируется по Ilse Jonas, Jochen Klepper. Dichter und Zeuge, Berlin, с. 151-152.

Мы говорили о самоубийстве и пришли к единому мнению, о том, что оно означает отказ от доверия, противоречие Богу, что самоубийство весит тяжелее, чем убийство, поскольку, убивая себя, не оставляешь Богу места в своем будущем, что самоубийство христианина в наше время отягощает свидетельство о Евангелии (...) Однако неким особым грехом по сравнению с другими грехами оно не является. И оно не может отделить нас от Бога⁴⁴.

Самоубийство Клеппера и его ближних не было, таким образом, шагом, направленным против Бога, но шагом к Богу, сокрытому в Своем гневе и Своей непостижимости, но все же любящему. Это наверное лучше других сумел почувствовать и выразить писатель и поэт Рейнгольд Шнейдер, ближайший друг Клеппера и – это надо подчеркнуть – убежденный католик. Он назвал самоубийство семьи Клепперов «актом веры». В своей автобиографии он пишет:

Это было самоубийство под знаком креста, как символа любви. Проблема его ставится в такой форме, на которую нет ответа⁴⁵.

А в предисловии к изданию дневников Клеппера, он глубже развивает эту мысль: *Клеппер взял своих близких за руку и когда у них уже не оставалось никаких прав и никакой защиты для них больше не было, поспешил вместе с ними к Судие, к страшному Отцу, сознавая свою вину и все же будучи уверен в бездонной милости Бога: именно такая смерть, с его точки зрения, стала свидетельством веры и знаком верности. Это было не «нет», но «да», исполненный веры шаг через порог Вечного дома...⁴⁶*

Да, можно сказать, что эта смерть стала свидетельством: свидетельством всей глубины человеческой вины, свидетельством о непостижимости сокрытого Бога, о темной тайне Его существа, но и перед лицом этой тайны, этой бездны невыносимой инаковости и святости Божией она стала и исповеданием веры в Его любовь и прощение. Я хочу привести лишь еще одну короткую запись из дневника Клеппера, сделанную за год до смерти:

Сможет ли еще взойти звезда в наших сердцах? Не получается ли, что наши звезды заходят, падают, но мы все же знаем, что звезда утренняя восходит над нашим заходом и падением. И падая, погибая из-за нашей собственной и чужой вины, мы не

⁴⁴ Дневники, запись от 11 января 1942 г.

⁴⁵ Цитируется по Ilse Jonas, с. 152.

⁴⁶ Unter dem Schatten deiner Flügel, с. 12-13.

*можем ни на чем больше остановить свой взгляд, как на этой утренней звезде, которой в наших сердцах уже больше не взойти*⁴⁷.

Мне кажется, глубже невозможно выразить упование на одного Бога, упование среди всей нашей бесконечной вины и обреченности.

20.

На этом месте следовало бы кратко подвести итоги, но я не хочу этого делать. Я хочу, чтобы мы просто на секунду молча склонились перед той великой, страшной Божественной тайной, которая чуть-чуть приоткрывается нам в жизни и смерти поэта Йохена Клеппера.

И еще одно. Один из друзей Клеппера передает свой разговор с ним:

*Очень печально, но и очень резко отозвался он (Клеппер) о провале столь многих проповедников. Я к тому времени уже имел несколько лет проповеднического служения за плечами и по собственному опыту знал тяжелую ситуацию проповедника. Йохен же проповедовал в своей жизни всего один раз, когда еще будучи студентом, он замечал своего заболевшего отца. Я спросил немного грустно: «Что же должны мы проповедовать?». Незабываем мне его ответ: «Утешение, все время утешение!»*⁴⁸

В утешении видел Клеппер свое служение христианского поэта. Утешение перед лицом жестокого и бесчеловечного мира, утешение перед лицом сокрытого Бога, утешение, идущее к нам от Его лица.

Накануне своего распределения на принудительные работы, которые в сущности были первым шагом к отправке в концлагерь, Рената вздохнула: «Ах, только бы знать, что дальше не будет еще хуже!». Ответом на эти слова стало стихотворение Йохена, которое он поначалу озаглавил просто «Моему ребенку»:

*Из сердца Божьего, услышав
Мольбы, сойди же наконец,
Дух-Утешитель и утиши
Боль обездоленных сердец (...).*

⁴⁷ Дневники, запись от 16 декабря 1941 г.

⁴⁸ Pise Jonas, с. 97.

*И пусть сердца к Отцу взнесутся,
Где исчезают скорбь и страх.
И славословьем обернутся
Рыдания наши в небесах⁴⁹.*

Позже это стихотворение получило название: «Песнь утешения на Воскресение поминаения усопших»...

⁴⁹ Дневники, запись от 29 августа 1940 г. С некоторыми изменениями в Кугіе, с. 63.